

Немезис “открытых дверей”

Подтверждая тот факт, что находится в фазе восхождения, Китай не погружается в протекционистский цикл мирового порядка, но усиливает его противоречия, поскольку отныне китайские “открытые двери” неотделимы от мировой проекции Дракона.

Заместитель директора Центра исследований целостного видения национальной безопасности Китайской академии современных международных отношений (CICIR) Дун Чунли предупреждает: *«Военные конфликты становятся более интенсивными, часто используются крайние средства, сохраняется риск ядерной войны, усиливается гонка вооружений, международный порядок рушится»*. И несмотря на это, китайская Центральная комиссия национальной безопасности подтвердила, что Китай продолжает придерживаться политики открытия.

По словам декана Школы международных исследований Китайского народного университета Цзинь Цаньжуна, в комиссии обсуждаются в том числе сценарии колоссального геополитического или финансового кризиса, рискующего перерасти в войну. Тем не менее продолжение политики открытия китайского рынка американским предпринимательским элитам и западным странам, которые не хотят следовать в русле *«новой холодной войны»* администрации Байдена против Китая, остаётся одной из наиболее эффективных мер для *«предотвращения самых плохих и крайних сценариев»*.

Первое вынужденное “открытие”

Великобритания навязала Китаю режим “открытых дверей” в результате первой Опиумной войны. В период между Нанкинским договором 1842 года и японо-китайской войной 1894 года она обладала промышленным и торговым превосходством над другими европейскими державами. Тогда равный торговый доступ к Китаю оказался в кризисе по причине гонки за железнодорожными и сырьевыми концессиями, политико-стратегическими базами эксклюзивных сфер влияния, против чего в 1899 году выступили Соединённые Штаты. Вашингтон позаимствовал у Лондона доктрину “открытых дверей”, чтобы поучаствовать в империалистическом разделе Китая, а в 1930-е годы – чтобы защитить его единство от японских атак.

По мнению Пьера Гроссе, гонку за концессиями спровоцировала в 1897 году Германия, создав прецедент *«арендованной территории»* в Циндао (провинция Шаньдун). В своей книге 2017 года *“L’Histoire du monde se fait en Asie”* французский историк полагает, что договор 1896 года между Китаем и Россией о железной дороге в Маньчжурии представлял собой старую форму экономического проникновения, оговорённого с Пекином, в отличие от аренды Порт-Артура на полуострове Ляонин в 1898 году. Не отставали Франция и Великобритания: первая получила территории в провинции Гуандун, а вторая – рядом с Гонконгом, а также в городском округе Вэйхай (провинция Шаньдун). Существовала даже гипотеза формирования эксклюзивной британской зоны вдоль Янцзы.

Державы протягивали руки к территориям, которые они заставили Японию вернуть Китаю в результате “тройственной интервенции” Франции, Германии и России после войны 1894 года. По мнению Генри Киссинджера, это положило конец попытке Китая самому использовать “открытые двери”.

Использовать варваров против варваров

Киссинджер считает, что китайские власти, имевшие плохие карты, сыграли умело, даже настаивая на уважении *«унизительных договоров»*, навязанных державами, предлагая концессии в разных городах и намеренно приглашая разных иностранцев делить пирог, чтобы можно было *«использовать варваров против варваров»* и ограничить гегемонию Британии. Учитывая почти полную военную беспомощность Китая, оборонительное сражение по сохранению независимого правительства завершилось, с точки зрения Киссинджера, *поражительным успехом*.

В книге “О Китае” Киссинджер оценивает шаги двух китайских государственных деятелей. В своём исследовании пионер Вэй Юань *«предлагал применить в китайской практике того времени уроки европейской дипломатии, основанной на поддержании баланса сил»*.

Киссинджер цитирует его трактат “Планы морской обороны” (1842): *«Существуют два способа борьбы с варварами, а именно: подталкивать враждебно относящиеся к варварам страны к нападению на них и изучать всё, в чём варвары превосходят нас, дабы держать их в узде. Существует два способа поддержания мира с варварами, а именно: разрешить различным торговым странам вести торговлю и таким образом сохранять мир с варварами и выполнять первый договор Опiumной войны с целью ведения международной торговли»*¹. Ограниченность этого подхода была предметом длительной полемики.

Генерал Ли Хунчжан пришёл к похожим выводам в 1863 году, в начале попытки “самоусиления”, с которой Китай намеревался открыться и научиться у “варваров” – немного раньше Реставрации Мэйдзи в Японии (1868). “Китайский Бисмарк” советовал обращаться к более далёким “варварам” из Соединённых Штатов, заинтересованным в торговле, чтобы сдерживать территориальные аппетиты более близких “варваров”. Именно Ли убедил Петербург продвигать “тройственную интервенцию”, чтобы выбить Токио из Маньчжурии в 1895 году. Правда, её итог был неприятным: российское влияние в Маньчжурии спровоцировало борьбу за концессии. *«Стратегия баланса между варварами до определённой степени срабатывала»*², во всяком случае в плане предотвращения эксклюзивного доминирования в Китае какой-то одной державы.

Предшественники суперпровинций

В книге *“Civilization and the Chinese Body Politic”* (2023) Чжэн Юннэнь указывает на политико-институциональную сторону тех событий, испытывавшую влияние трёх факторов: роста китайского населения с 300 до 430 млн человек в первой половине XIX века, внутреннего восстания тайпинов и вторжения держав. По мнению политолога из Шэньчжэня, в период с 1840-х до 1870-х годов *«ответом была парадоксальная смесь модернизированных индустрий, которые усиливали местные правительства и попытки децентрализованного государственного строительства, ослаблявшие двор Цин»*.

Создание местных налоговых баз сопровождалось восхождением военных и политических вождей, которые по иронии судьбы *«были первыми, кто разрушил препятствия конфуцианской исключительности и дал дорогу вызовам со стороны Запада»*. Ещё более иронично, что западное оружие в Китае начали использовать тайпины. Вэй Юань прямо поставил вопрос о современной военной промышленности. Ли Хунчжан впервые использовал концепцию *«гуанду шанбань»* (предприятие, коммерческое управление под бюрократическим надзором), чтобы стимулировать промышленное развитие. Во время второй фазы Движения за самоусиление с 1872 по 1894 год *«начальники-реформисты»* во главе регионов Янцзы, Жемчужной реки и Пекина – Тяньцзиня заложили производственные основы военной промышленности. На всём этом крест поставила японо-китайская война. Однако сохранялись тропинки для последующих воплощений политики “открытых дверей”.

Чжэн и новое открытие

Диалектика “открытых дверей” между внешними коллизиями, внутренней динамикой и политико-институциональными механизмами будет трансформироваться в ходе капиталистического развития: *«второе открытие»* было задумано Дэн Сяопином более чем через столетие после первого, навязанного державами, а сегодня происходит, если использовать терминологию Чжэна, *«третье открытие»*, вызванное империалистическим созреванием Китая.

Империалистическое открытие подтверждает расчёт на то, чтобы завоевание китайского рынка старыми державами не могло не приносить выгоду крупным группам Поднебесной, как это можно было проследить по выигрышной тактике автомобильных компаний, принятой на вооружение в 1980-е годы. Открытие обуславливает политические течения метрополий через появление в Европе, Японии и Америке “китайских партий”, заинтересованных в рынке Поднебесной. Но эти же самые течения реагируют на восхождение Дракона по мере того, как *«второе открытие»* перекрашивается в *«третье»* и Пекин требует “открытых дверей” на мировых рынках.

С одной стороны, это происходит в конвергенции с глобалистскими течениями в старых метрополиях и с “развивающимися” державами, заинтересованными в продолжении своего восхождения, с другой – это неизбежно происходит в рамках конкуренции. Диверсификация

китайского рынка перерастает в конкуренцию на других рынках, в сражение за инвестиции в производственные цепочки и сырьё. Отметим, что как раз политические течения Гуандуна – наиболее динамичного выражения суперпровинций, согласно мысли Чжэн Юннэня – регистрируют изменения, хотя и через новый импульс к политике “открытых дверей”. На страницах *21st Century Business Herald* из Гуанчжоу Чжэн пишет, что «*одностороннее открытие*» Китая может стать инструментом по созданию «*общего рынка*» между Китаем и Юго-Восточной Азией.

Сторонники открытия из провинции Гуандун

Гуандунский институт международных стратегий в 2020 году опубликовал книгу “ЕС и глобальное управление”. Читаем: Европа может предложить «альтернативные» американским решения, чтобы заполнить «дефицит [глобального] управления», то есть «нехватки представительства незападных стран» в международной системе, составленной из старых держав. С точки зрения этого анализа, «в отличие от традиционных держав» «нормативная держава» – Евросоюз является «генетически многосторонней»: «[ЕС] стал важной силой в поддержании стабильности многостороннего мирового порядка наравне с Китаем». Пекин должен «систематически оценивать европейские концепции и практики, чтобы привнести мудрость и опыт в китайский подход к глобальному управлению».

Генеральный секретарь института Ли Цин пишет в книге “Глобальное экономическое управление и иностранные инвестиции в Китай” (Пекин, 2022): Китай представляет восходящие страны, но имеет с Европой, Японией и Кореей общий интерес в защите многосторонности от «американского протекционизма». Например, он искал сближения с ЕС в установлении системы разрешения противоречий по поводу Шёлкового пути. Тем не менее с 2017 года реакция старых держав на китайские внешние инвестиции затронула и ЕС. С точки зрения автора, «пик» Шёлкового пути в 2016 году со 196 млрд долларов китайских инвестиций заключал в себе также «иррациональный» компонент, на который Пекин ответил ужесточением регуляции, однако это совпало с американской, немецкой и японской реакциями. Ужесточение позиции Токио в отношении Шёлкового пути является показательным, поскольку японская позиция изменилась от «сопротивления» к «ожиданию», а затем «участию» с конвергенцией на «других рынках» первого “Японо-китайского форума по сотрудничеству на рынках третьих стран”, прошедшего в 2018 году. Результатом тех попыток сближения с Европой и Японией на сегодняшний день стала возросшая конкуренция в Азии.

Чжан и более централистукий Шанхай

С точки зрения Чжан Вэйвэя, епископа китайской исключительности из шанхайского Университета Фудань, в этом нет ничего удивительного. «Чтобы перевернуть мир, достаточно одного только восхождения дельты Янцзы», где в Шанхае, Цзянсу, Чжэцзяне и Анхое проживают 236 млн человек. Однако если в отношении «национальной стратегии» суперпровинции Пекина, Шанхая и Гуанчжоу имеют свои особенные подходы, то в том, что касается «международного соперничества», примат в принятии решений должен принадлежать центру в Пекине. Отсюда три руководящие центральные группы, сформированные в 2018 году тогдашним вице-премьером Хань Чжэном, который раньше был секретарём Шанхая, а сегодня является заместителем председателя КНР: Beijing-Tianjin-Hebei joint development group, Central leading group for the development of the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area и Central leading group for promoting integrated development of the Yangtze River Delta.

История научила Пекин необходимости управлять отношениями с другими державами.

Июнь 2023 г.

¹ - Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014. С. 78–79.

² - Там же. С. 103.